

арианна не поверила своим глазам.

Что же, что это такое? Что, в конце концов, он себе позволяет? Это переходит уже всяческие границы!

Очевидно, она вздрогнула, потому что розовое шампанское из бокала, который она держала в руке, едва не выплеснулось на Вячеслава, и, хоть он отскочил, все же несколько капель попало ему на рукав пиджака.

— Простите! — опомнилась Марианна. — Какая я неловкая...

— Ничего страшного! — он улыбнулся кривоватой неискренней улыбкой.

Ага, стало быть, расстроился, что испорчен его супердорогой пиджак. Ну еще бы — весь с иглочки, лощеный такой, прическа — волосок к волоску, гладкий весь, руки ухожены, но крепкий, когда выходили в холл из-за стола, поддержал ее твердой рукой. В спортзал, конечно, ходит каждую неделю, тренируется интенсивно, следит, чтобы не было лишнего веса. Зубы — идеально ровные и белые, настоящая голливудская улыбка. Хорош, в общем. Сразу видно, что заботится только о себе, любимом.

А тут такая неприятность — пара пятен на рукаве.

— Нужно замыть, чтобы не осталось следов, — подсказала Марианна.

— Извините! — он развернулся и направился в конец холла, стараясь идти не слишком быстро.

Так, этому повезло, его смена закончилась гораздо раньше, чем намечалось.

Марианна улыбнулась, глядя ему вслед. Она давно уже разгадала тактику поведения подчиненных ее мужа.

На корпоративных банкетах или еще каких-то мероприятиях к ней время от времени подходили его сотрудники, говорили незамысловатые комплименты, завязывали легкий, ничего не значащий разговор, приглашали танцевать. Все это ровным, приветливым тоном.

Комплименты были дежурные, ничего не значившие, танцы — не больше одного, и все общение продолжалось не больше десяти минут, после чего этот сотрудник ретировался под каким-нибудь подходящим предлогом и в дело вступал следующий. Этакая карусель.

В общем, чувствовалась опытная организаторская рука.

В самом деле, не стоять же жене владельца фирмы, как последняя дурнушка, у колонны, подпирая стену. Как это в старой-престарой песне поется: «Стоят девчонки, стоят в сторонке, платочки в руках теребя...» и так далее.

Знакомых у нее в фирме никаких нет, она не из тех жен, которые едва ли не каждый день навещают в офис к мужу, знают всех его сотрудников по

именам, задаривают секретаршу духами и конфетами и пьют чай в бухгалтерии с целью выяснить намерения и степень опасности молодых сотрудниц. Как известно, в бухгалтерии все про всех знают.

Так вот, кто-то и организовал эту трудовую повинность: развлекать жену хозяина.

Ничего, десять минут потерпеть можно. А дольше и не нужно, а то еще подумают что-нибудь не то. А так все довольны: и сам хозяин, и сотрудники, и жена его вроде бы при деле. И даже есть у Марианны подозрения, кто это все организовал: бесменная секретарша мужа Антонина Павловна. Ну, эта все сможет и все успеет, за всеми уследит. И не секретарь она вовсе, а главный помощник.

Марианна изредка представляла себе такую картину: перед очередным корпоративным праздником ребята собираются и разбирают дежурства по жене хозяина: кто первый, кто последний, кто ее развлекает разговорами, кто ее танцует, кто шампанского подливает. А Антонина все аккуратно записывает в блокнотик, и уж будьте спокойны, если что не так пойдет — она все заметит. И припомнит потом, хозяину фирмы шепнет ненароком или просто пропустит в списках на премию. Побаиваются ее сотрудники, это даже Марианна знает, муж как-то проболтался.

Но сегодня что-то ее не видно. Зато мелькнул вдалеке Дронов. Вот уж неприятный тип, хотя лично Марианне он ничего плохого не сделал. Даже не разговаривали они ни разу.

Дронов числится в фирме заместителем директора по безопасности и не входит в число сотрудни-

ков, которым положено развлекать Марианну. Да и хорошо, а то и не представить, что с этим Дроновым можно общаться: взгляд жесткий, волосы черные, гладкие, и одна седая прядь висит надо лбом.

Старательно удерживая на лице приветливую улыбку, Марианна отвела взгляд от спины Вячеслава и натолкнулась на взгляд одной девицы из... какого же отдела... да без понятия. Она встречала ее пару раз на прежних корпоративах. Довольно противная, и нос слишком длинный, иногда даже кажется, что кончик шевелится, как будто вынюхивает что-то, как любопытная крыса.

И сейчас увидела, что Марианна осталась одна, и уже сделала шаг к ней, чтобы, надо думать, завести разговор. И ясно о чем: о безобразном поведении мужа.

Марианна поскорее отвернулась, чтобы никто не увидел ее лица.

Нет, ну что же это такое! Это переходит уже всяческие границы!

Это новая сотрудница, во всяком случае, Марианна ее раньше не видела. Интересная, очень яркая брюнетка, если и моложе самой Марианны, то ненамного, у брюнеток возраст трудно определить, они часто выглядят старше своих лет. Даже, кажется, ее представляли сегодня.

Ах да, муж что-то там говорил в приветственной речи. Наша Алена... — что-то там она сделала для фирмы. Марианна не поняла, да и не прислушивалась, о своем думала, и только по слишком угодливому, ненатуральному смеху поняла, что что-то не так. Но это потом, когда не могла не заметить

слишком явные знаки внимания, которые этой... как ее... Алене оказывал муж.

Как только закончилась официальная часть и все, кому положено, произнесли приветственные речи, муж пересел к этой Алене и всю дорогу шептал ей что-то на ушко, подливал ей вина, тискал ее руку и (уж Марианна это точно знала) щупал под столом ее за коленку. И все это под ее, Марианниным взглядом, как будто нарочно посадили эту девку почти напротив! Черт, до чего же противно!

Но, как выяснилось, это были еще цветочки.

Когда вышли из-за стола, Марианна хотела улучшить минутку и переговорить с мужем, хотя и знала, что делать этого не следует. То есть он не терпит, когда ему указывают. Она вовсе не собиралась устраивать скандал — еще не хватало, на людях-то. Но просто отвлечь пустяковым разговором, шуткой.

Но тут ее, как назло, перехватил Вячеслав, пригласил танцевать, принес шампанского, молот какую-то чушь, и она упустила момент. Теперь же эти двое вели себя просто неприлично. Муж открыто девицу обнимал, мусолил ей ухо и чуть ли не голову сунул в декольте.

Да что на него нашло? Выпил лишнего? И для чего эта девка так открыто его поощряет?

Пару раз еще за столом она ловила на себе взгляды этой Алены. Смелые взгляды, уж слишком в себе уверенные. Дура? Да непохоже. Хищный такой взгляд, неужели решила, что хозяин фирмы — это легкая добыча?

Больше всего Марианна возмутилась, что все это происходит на публике. При всем честном на-

роде, как говорится. Вот для чего муж-то все это затеял? Обычно он всегда знает, чего хочет. Увлёкся так, что потерял голову и представления о приличиях?

Нельзя сказать, что это было для Марианны откровением, она знала, что муж бывает ей неверен. И если честно, то не слишком переживала по этому поводу.

Делал он такое редко и никогда специально не афишировал. В первый раз она узнала об этом случайно — прочитала пару эсмэсок, когда он был в душе. Во второй раз кто-то позвонил женским голосом и наговорил гадостей. Марианна не стала тогда ничего выяснять, просто бросила трубку, а потом только наблюдала.

И через некоторое время могла уже с уверенностью сказать, когда у него появлялась новая пассия и когда все заканчивалось.

Обычно это продолжалось не больше месяца, самое большее — полтора, то есть ничего серьёзного. Марианна относилась к этому не то чтобы спокойно, но довольно равнодушно. Не трогало ее это, не было никакой ревности.

Иногда ей казалось, что муж в курсе ее наблюдений. Как в старом итальянском фильме: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Там-то все кончилось хорошо...

Марианна очнулась от несвоевременных мыслей и снова перехватила пристальный взгляд той девицы с крысиным носом. Смотрит прямо как подружка закадычная, утешить хочет. Господи, неужели всем все настолько понятно...

Марианна сделала неприступное лицо. И куда это Вячеслав запропастился? Весь пиджак в раковине стирает, что ли...

А она тут должна маячить у всех на виду, как полная дура.

Марианна почти с нежностью подумала о помощнице мужа. Вот была бы Антонина Павловна здесь, уж мигом бы ситуацию разрулила! Не допустила бы такого безобразия.

Ну вот, идет все же сюда эта крыска, не понимает намеков. Куда от нее спрятаться? В туалете найдет, в зале, где стол, горячее накрывают, туда не пройти сейчас.

Марианна отвернулась и пошла в сторону, рассеянно улыбаясь сотрудникам. Никто на нее особенно не смотрел, все были заняты неформальным общением.

Стараясь увернуться от этой девицы с крысиным носом, она обогнула большое растение в кадке, увидела свое отражение в зеркале, что висело за ним, и ужаснулась несчастному, затравленному выражению собственного лица. Нет, нужно немедленно взять себя в руки, а для этого побыть наедине хоть пять минут.

Не получилось. Потому что, когда она сунулась в первую дверь, которая оказалась как раз за зеркалом, то увидела там крошечное помещение, где помещался только стол с выключенным монитором и еще какие-то кнопки и тумблеры.

А на столе сидела та самая брюнетка, платье на ней было растегнуто, и муж одной рукой лапал ее оголенную грудь, а другой — что-то делал с ее ухом.

Он стоял спиной к двери, но эта стерва все же дернулась от неожиданности и даже вскрикнула, как потом оказалось, не от страха, а от боли. Он уколол ей ухо, поскольку пытался вдеть в него серьгу. И очевидно что-то почувствовал, потому что повернулся круто и встретился взглядом с Марианной.

— Что это, что? — Потом она простить себе не могла, что не развернулась и не ушла сразу же.

Казалось бы, чего проще — надеть пальто да и уйти прочь, пускай муж потом сам разбирается. Или даже не связываться с пальто, просто выскочить на улицу, найти их машину и велеть водителю Юре ехать домой. На улице, хоть и холодно в конце ноября, но все же не мороз, до машины дойти можно.

Но эти здравые мысли пришли потом, ночью, даже утром или вообще на следующий день. А сейчас Марианна просто застыла в дверях в полной растерянности. Что там ни говори, а она не ожидала все же от мужа такого свинства.

Муж повернулся и уставился на нее с наглой усмешкой.

— Что это такое? Сама не видишь? Мозгов и на это не хватает?

Ее оскорбили не столько его слова, смысл которых до нее дошел только потом, сколько его тон. И эта усмешка, а главное — взгляд этой стервы. Полный презрения торжествующий взгляд.

Теперь невозможно было просто уйти, поскольку ноги ее приросли к полу. Голова закружилась, перед глазами поплыли красные пятна, она просто не смогла бы сделать ни шагу. И сосредоточилась

только на одном: чтобы не упасть вот тут, прямо у их ног.

— Что стоишь, что смотришь? — муж отошел от стола и сделал шаг к ней. Комнатка была маленькая, так что он оказался достаточно близко. — Шпионишь? Выслеживаешь? Подсматриваешь за другими? Больше ни на что не способна?

— Как ты смеешь, как ты смеешь так разговаривать со своей женой... — она хотела сказать это твердо, но только прошелестела что-то невразумительное.

Но он понял. Понял и расхохотался:

— Женой? Ты сказала — женой? Да ты никто и звать никак, если захочу — завтра же выгоню тебя голой!

Она хотела сделать шаг назад, но проклятые ноги не двигались. Муж поднял руку, чтобы вытолкать ее за дверь, ей показалось, что сейчас он ее ударит, с непонятной силой она толкнула его в грудь, поскольку сама не могла отойти. Он отшатнулся назад и задел стол, с которого упало на пол что-то маленькое и блестящее.

— Ах так... — протянул муж не своим низким, а каким-то свистящим, змеиным голосом. — Тогда запомни, запомни крепко: я буду делать все, что захочу! И ты мне никогда не сможешь помешать! Поняла — никогда! А теперь подними! — он кивнул на пол и приблизил свое лицо, так что на нее пахнуло несвежим запахом спиртного и еще чего-то дикого, звериного, страшного.

И тогда она увидела его глаза — совершенно белые от ярости. И еще там была абсолютнейшая уве-

ренность, что он верит в то, что говорит. Что так и будет, он сделает с ней все, что захочет, и никто не сможет ему помешать.

— Подними, я сказал! — повторил он, и она поняла, что если этого не сделает, он ее ударит. И будет бить: кулаком по лицу и в живот, а потом, когда она упадет, ногами.

Он никогда этого не делал раньше, но она знала, что так будет. Что он может это сделать, если пожелает, и никто ему не помешает. И все это сделает он на глазах у своей девки. И если еще кто-то будет рядом, это его не остановит.

И она наклонилась, игнорируя пульсирующий шум в ушах и боль в висках, и не сразу нашла на полу серьгу, поскольку в глазах двоилось, но все же сжала ее в кулаке и разогнулась. И протянула ее мужу, раскрыв ладонь. И увидела.

— Но это же... это...

Веточка тонкой старинной работы, белое золото и два камушка в виде плодов, два изумруда: сверху поменьше и более светлого оттенка, снизу — побольше, густого сочно-зеленого цвета, цвета моря в районе островов в Адриатике.

— Не может быть... — рука ее предательски задрожала, сережка снова упала на пол.

Марианна шагнула назад к полуоткрытой двери и упала без чувств на руки той самой девицы с крысиным носом, которая подслушивала под дверью.

Олеся, менеджер из отдела продаж.

Марианна очнулась от тихих, деликатных шагов. Кто-то ходил рядом, звякнуло стекло, проскрипели

шторы. Такие знакомые звуки, значит, она дома, в собственной спальне.

С трудом она открыла глаза, что-то липкое склеило ресницы. И кожу на лице стянуло, как будто день провела на морозе.

Марианна пошевелилась и невольно застонала. Голова взорвалась резкой болью.

Тотчас вспыхнул нестерпимо яркий светильник под потолком и подскочила Лизавета.

— Марианна Петровна, вы проснулись?

— Убери немедленно свет, — Марианна сама не узнала свой голос, — и дай воды.

— Сейчас! — Лизавета, как всегда, слишком много суетилась, однако все сделала, как велели.

От холодной воды Марианне немного полегчало. Не то чтобы в голове полностью прояснилось, однако можно было осмотреться и даже сесть на кровати.

Лизавета подскочила, чтобы предложить помощь, но Марианна отмахнулась — сама. Это плохо ей удавалось, но все же она смогла сесть и оглядеться. Собственно, смотреть было не на что — знакомая до мелочей ее спальня.

Лизавета порядок навела, только вот на столике у кровати какие-то пузырьки и лекарствами пахнет.

— Что со мной? — невольно спросила Марианна, хотя Лизавета вовсе не тот человек, с которым хотелось ей откровенничать.

— Ой, Марианна Петровна! — Лизавета всплеснула руками. — Вам вчера в ресторане плохо стало, сознание вы потеряли, хотели там прямо «Скорую» вызвать, но Андрей Сергеич сам вас в чувство при-

вел и велел домой везти. Вот Юрка вас и привез, а тут уж вызвали Вильяма Шакировича, он ночью приехал, укол вам сделал и посидел еще часик, пока вы не заснули. А потом, говорит, не будите, пока сама не проснется. Вот я и хожу тихо, чтобы не беспокоить...

— Который час? — Марианна спросила просто так, чтобы остановить Лизаветину болтовню, от которой звенело в ушах.

— Одиннадцать без пяти...

Для нее это было позднее утро, никогда так долго не спала. Да и сегодня не сон это был вовсе, а как провалилась куда-то в черную дыру. Что ей вкололи? Наркотик какой-то?

Она выпила еще воды, посидела немного, ожидая, когда комната перестанет кружиться, как детская карусель. Очень просто: нужно сидеть тихо и ждать, тогда вещам вокруг надоеет хулиганить и они успокоятся. Вот еще бы Лизавету приструнить, чтобы не стрекотала как сорока. Но это сложнее.

— Андрей Сергеевич ушел уже? — спросила она, хотя ей очень не хотелось этого делать.

Само имя мужа не хотелось произносить, с трудом заставила себя шевелить губами.

— Да что вы, он спит еще... — затараторила Лизавета. — Сегодня же воскресенье! Оттого банкет назначили на субботу, чтобы можно было отдохнуть потом!

— Ах да... — в голове всплыли обрывки воспоминаний, постепенно складываясь в целостную картину.

Вот она стоит в холле с бокалом шампанского и видит вдаль мужа с какой-то брюнеткой... вокруг

шум, блеск, сотрудники смеются, кто-то танцует... дальше все очень плохо.

— Может, снова приляжете? — заботливо спросила Лизавета. — Что-то вы побледнели. Доктор сказал — вам сегодня лучше полежать, отдохнуть... раз такое дело, что в обморок вы упали...

— Не помню, — на всякий случай сказала Марианна, — из вчерашнего вечера ничего не помню.

— Доктор сказал — это вполне может быть! Очень даже запросто! Такое часто бывает! — Лизавета тараторила без умолку, как сорока.

Чтобы остановить ее, Марианна попыталась встать, невзирая на протесты горничной.

Кое-как она доползла до собственной ванной и уставилась в зеркало. Вид был ужасный, но, как оказалось, просто потому, что не смыла вечером косметику. Лицо после лосьонов и тоника выглядело бледным и осунувшимся. Что ж, это нормально.

Марианна прикинула свои реальные возможности и решила, что душ не потянет, свалится прямо в кабинке. Так что просто умылась холодной водой и расчесала волосы. И снова вернулась в постель, оправленную Лизаветой.

— Вам завтрак принести? Или просто кофе?

При мысли о кофе Марианна ощутила сильнейшую тошноту и отказалась. Лизавета наконец убралась, принесла стакан воды со льдом и лимоном, и Марианна дала волю воспоминаниям.

Отчего-то ей казалось важным восстановить в мельчайших деталях и подробностях все события вчерашнего вечера. Значит, так: вчера муж вел себя

безобразно. Начать с того, что он лип к этой брюнетке... как же ее звали...

От напряжения голова снова взорвалась болью, но усилия не прошли даром, Марианна вспомнила имя — Алена. Она посчитала это хорошим знаком, и, действительно, дальше дело пошло быстрее.

Значит, она стояла с очередным дежурным сотрудником мужского пола, потом он куда-то испарился, и она, не в силах вынести насмешливые взгляды сотрудников, попыталась спрятаться, а вместо этого застала мужа с этой... с этой... опять имя вылетело из головы.

Господи, какая же она дура! Нужно было уйти из этого чертова ресторана сразу, как только вышли из-за стола. И ничего не говорить мужу. Какое ей дело, в конце концов, до того, что подумают его сотрудники! Да она их видит раза три в год!

Марианна откинулась на подушки и закрыла глаза.

И тут же перед ней предстала та же картина: как муж с совершенно белыми от ярости или от безумия глазами надвигается на нее и выплевывает прямо в лицо ужасные слова. И эта его уверенность в том, что он может сделать с ней все, что угодно, и ему никто не помешает. И ее страх. Страх, потому что она ощутила тогда абсолютную свою беспомощность перед этим человеком. Что с ним случилось? За что он с ней так? Ведь она же ничего ему не сделала...

Они женаты... ну да, больше четырех лет, и не было никаких особенных между ними конфликтов.

Марианна старалась сглаживать все трения, да если честно, не настолько они близко общались, чтобы было из-за чего ссориться.

Муж много работал, сам говорил, что бизнес не дает расслабляться. Также он развлекался в мужской компании, да и не только в мужской, как скоро заметила Марианна.

Она быстро смирилась с его неверностью. Потому что совершенно не ревновала. Потому что довольно быстро поняла, что мужа не любит. Вот совсем. Нисколечко.

Ну что ж, она приняла это к сведению и обдумала сама, поскольку советоваться ей было не с кем, не к психоаналитику же идти. И решила смириться с существующим положением вещей.

Разводиться? Зачем? Ей некуда пойти, а муж уж точно при разводе отдаст ей крохи, только чтобы с голоду не умерла, бизнес делить не позволит. У нее нет родителей, нет ни братьев, ни сестер, даже двоюродных. И друзей близких тоже нет, так уж сложилась жизнь. Так что лучше ничего не менять.

И она выработала в общении с мужем ровный приветливый тон, проявляла заботу — спокойно, без суеты, не перегибая палку, чтобы он не раздражался, не надоедала по пустякам. В общем, сглаживала углы, никогда не спорила, не отказывалась пойти с ним на официальные мероприятия, там тоже вела себя ровно, сдержанно. Это было нетрудно.

Сложнее было с сексом. Но муж не слишком часто посещал ее спальню и в первый год, а потом уж

бывало, что и раз в месяц зайдет. В общем, можно привыкнуть.

Иногда появлялась мысль о том, что неужели так будет всегда? Ровная спокойная жизнь — ни забот, ни увлечений. Ни любви, ни страсти, вообще никаких сильных чувств. Ну что ж, очевидно, ей не дано. Да и кто сказал, что это необходимо?

И вот вчера все внезапно изменилось, вся ее налаженная спокойная жизнь полетела ко всем чертям. Потому что после того, что муж устроил вчера, после того, как он публично ее оскорбил, унизил, все не может оставаться как прежде.

Она знает, знает, какие демоны скрываются у него внутри и когда-нибудь вырвутся наружу.

Как он смотрел на нее! И, боже мой, что он кричал ей! При своей девке... как же ее... снова выскочило из головы имя.

И та, с крысиным носом, вот сейчас Марианна вспомнила ее лицо, которое увидела, когда выскочила из той комнатухи. На лице этом была самая настоящая радость.

Еще бы — такое увидеть собственными глазами. И еще в ее глазах было предвкушение удовольствия рассказать всем сотрудникам. Уже небось разнесла по всей фирме. В подробностях всю сцену описала да от себя еще прибавила.

Да, в конце концов, какая теперь разница? Марианна осознала, что ее это совершенно не волнует. На самом деле было что-то еще, гораздо важнее. Что-то очень важное.

Она открыла глаза и села на постели, отбросив одеяло.

Сережки! Вот эта самая изумрудная серьга, которая упала на пол, и муж заставил ее, Марианну, серьгу поднять. И подать покорно его девке, а та... та засмеялась презрительно. Это ли не унижение? Ну да, конечно, но серьга... сама эта серьга...

Старинная, очень тонкой работы веточка из белого золота и два изумруда в виде плодов, один более светлого оттенка и поменьше, а второй, чуть ниже — более темный, цвета Адриатического моря в полдень, и такой крупный, яркий.

Марианна видела серьгу близко, держала ее в руках и запомнила отлично, разглядела мельчайшие детали.

Это те самые сережки, она уверена. Ошибиться она не могла. И именно от осознания этого факта она потеряла сознание. А вовсе не от страха и унижения.

Вот так вот. Но каким образом серьги попали к мужу? Откуда он их взял?

Эти фамильные серьги старинной работы должны были перейти к ней, отец так и сказал: это будет тебе подарком на двадцатипятилетие. Вещь очень дорогая, уникальная, знающие люди высоко оценивали работу и камни.

Отец тогда сказал, что очень надеется, что дочь их сбережет, сохранит и передаст потом своей дочери. Серьги — вещь старинная, принадлежали их семье, сколько он, отец, себя помнит. Передавались по наследству. Марианна видела их несколько раз, однажды, лет в пятнадцать, решила померить без спросу. Ох, как влетело ей тогда от отца!

Это, сказал, не игрушки-побрякушки, чтобы перед зеркалом крутиться и подружкам хвастаться, придет время — непременно твои будут. А пока забудь и думать.

Отец был суров, но ее любил, потому что никого у них двоих не осталось, когда мама умерла.

После его смерти серьги пропали...

И вот теперь...

За дверью слышались тихие крадущиеся шаги. Да толку-то, Марианна прекрасно знает, что это Лизавета, только она так тапочками шаркает.

Марианна едва успела нырнуть под одеяло и отвернуться к стене.

— Марианна Петровна, вам что-нибудь надо? — прошептала Лизавета и, не услышав ответа, сказала куда-то в коридор: — Спит она, доктор сказал, что сегодня целый день так будет.

— Не трогай ее, пускай спит, — прогудел голос мужа издалека, и Марианна едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть.

— Она сказала, что ничего не помнит, что вчера случилось, — продолжала Лизавета, — отчего она в обморок упала.

— Ну и ладно, ты, главное, следи, чтобы она таблетки пила, что доктор прописал. Если забудет, ты напоминай почаще...

И муж ушел, тяжело ступая. Вот как, даже к постели не подошел, не удостоверился, что жена в порядке. Впрочем, после вчерашнего это неудивительно.

А Лизавета ему все докладывает. Были у Марианны подозрения на этот счет, поскольку работала

горничная у мужа давно, раньше, чем Марианна в этот дом вошла. Ну ладно, будем иметь это в виду. И насчет таблеток тоже.

Этот день она провела в постели, притворяясь, что дремлет, отмахиваясь от Лизаветы с ее показной заботой. Приходил доктор Вильям Шакирович — средних лет крепкий мужчина с седыми волосами и яркими темными глазами. Не то армянин, не то еще какой-то восточный человек, у них раньше модны были разные литературные имена типа Гамлета и Беатриче, так что Марианна изредка ошибалась и называла его Вильямом Шекспировичем. Доктор только качал укоризненно головой, но было видно, что обижается.

Сейчас он сидел возле ее кровати и держал за руку, считая пульс. Лизавета наконец убралась из спальни.

— Как мы себя чувствуем? — задал доктор традиционный вопрос, и Марианне захотелось ответить в том же духе: «Как вы — не знаю, а я так не очень».

Вместо этого она пробормотала что-то про слабость и тошноту, что было, в общем-то, правдой.

— Ай-ай-ай... — доктор покачал головой. — Нужно себя преодолеть, нужно поесть, выпить кофе, сразу придет бодрость... Либо укольчик делаем...

— Не надо уколов! — встрепенулась Марианна. — Лучше уж таблетки. Кстати, что это?

— Всего лишь легкое, совершенно безобидное успокоительное... — утешил ее доктор. — Мы по-

нервничали, переутомились, там в ресторане было душно, шумно, музыка громкая играла, вот мы и упали в обморок...

Он взял ее за руку, выслушал пульс и добавил:

— Ничего страшного, попьем немножко таблеток — все и пройдет. Мы ведь не беременны?

«Я — нет, а вы на всякий случай проверьтесь», — захотелось ответить Марианне, она удержалась в самый последний момент и только покачала головой.

— Ну, вот видите, значит, это пустяк и все скоро пройдет! — обрадовался доктор.

А вот интересно, он в самом деле так считает? Что вот если ни с того ни с сего здоровая молодая женщина грохнется в обморок, то это пустяк, не заслуживающий внимания? Потому что вряд ли доктор знает, что послужило настоящей причиной потери сознания. Уж муж точно ему ничего не сказал, а больше-то и некому... Лизавета тоже не знает, а больше он ни с кем не общался.

После таблетки Марианна сразу же заснула и проснулась к вечеру. Голова была тяжелой, однако не кружилась. Но все было безразлично, так что на всякий случай она решила больше таблеток этих не пить. Одно хорошо: муж больше не заходил. Где он находился, Марианне было все равно.

Вечером Лизавета принесла ужин. Марианна поковырялась в салате, съела сухарик и отдала тарелку. Таблетку она спрятала за щеку, а потом спустила в туалет. С этой заразы Лизаветы станется проверить. Небось пересчитала уже все таблетки.

И, разумеется, вечером Марианна долго не могла заснуть. Ну еще бы — целый день в постели проваляться.

События предыдущего дня мучили ее, душили своей безысходностью. Она уже пожалела, что спустила таблетку в унитаз, хотела встать, найти воды, принять еще, но не было сил подниматься, включать свет, искать... И тут вдруг милосердный сон сжалился над ней.

Ей снилось, что она — маленькая девочка и идет по лесу, по извилистой таежной тропке среди кедровника. Под ногами у нее ярким пламенем пылают жарки, где-то высоко в ветвях деревьев резко и зло хохочет сойка.

И во сне Марианна совсем не удивилась такой картине, потому что ей все было знакомо, она ведь родилась в Сибири, и природа эта была привычна ей с раннего детства.

Во сне маленькая Марианна не одна в лесу, ее ведет за руку высокая женщина с загадочным лицом языческого идола. Огдо...

Кроме них, вокруг нет ни души. Но Марианне не страшно, она уверенно идет вперед, потому что знает — Огдо с ней, а там, впереди, их ждет что-то важное...

Кроме того, Марианна никогда не боялась леса. Огдо приучила ее к тайге, к тому, что лес — не враждебный, он сильный и мудрый и платит добром за добро.

Тропинка резко повернула, и впереди показалась маленькая охотничья избушка, почти вросшая в землю.

Крошечное подслеповатое окно, покрытая мхом покатая крыша, черная от копоти печная труба, стены из толстых бревен с торчащим из щелей мхом...

— Это здесь! — проговорила Огдо, и лес повторил ее слова многократным эхом: «Здесь! Здесь! Здесь!»

Лес всегда любил разговаривать с Огдо.

Марианна остановилась.

Ее охватило странное волнение. Она хотела войти в эту избушку — но и боялась этого, боялась того, что ждет ее внутри...

Но Огдо потянула ее вперед:

— Идем! Идем же!

Они подошли к избушке, Огдо потянула на себя дверь.

Дверь такая низкая, что Огдо пришлось согнуться в три погибели, но маленькая Марианна вошла легко, не наклоняясь...

И проснулась.

Сердце ее взволнованно билось, во рту пересохло.

К чему был этот сон?

Почему сегодня, после такого большого перерыва, ей снова приснилась Огдо?

Как давно Марианна о ней не вспоминала!

Там, в Сибири, Огдо была ее няней.

Мама Марианны умерла, когда та была совсем маленькой, и тогда отец нашел Огдо. Она принадлежала к маленькому сибирскому народу долган и знала лес, как свое собственное жилище. Она разговаривала с деревьями и птицами, и деревья и птицы отвечали ей. Огдо с самого раннего детства

водила Марианну в тайгу — они собирали ягоды и грибы, кедровые орехи и целебные травы.

Как-то в поселок, где они жили, пришел из тайги незнакомый человек. Вся его одежда была сшита из оленьей кожи, на голове — странный головной убор. Увидев Огдо, он пришел в возбуждение, стал низко кланяться ей, что-то говорить на незнакомом языке. Огдо ответила ему на том же языке и отослала повелительным, властным жестом. А потом отпросилась у отца и на целый день ушла в тайгу.

Марианна спросила соседку, эвенкийку Орчен, кто был этот человек и куда ушла Огдо.

— Ты разве не знаешь? Тетя Огдо, — ответила соседка тихо, — дочка очень сильного шамана. И она унаследовала от отца его силу. Тот человек пришел из тайги, он охотник, кочует с семьей. Его дочь очень сильно заболела, врач не смог ей помочь, и тогда он пришел просить тетю Огдо, чтобы спасла его дочь.

Марианна представила себе дочку того охотника — такую же девочку, как она сама, и почувствовала острую жалость.

Огдо вернулась ночью, когда Марианна уже спала. Она зашла проверить девочку, поправила одеяло.

Марианна проснулась и первым делом спросила няню:

— Огдо, ты вылечила ту девочку?

— При чем тут я? — проговорила Огдо отчего-то обиженно. — Девочка будет жить, она сама так захотела...

— Но ты ведь помогла ей?

— Помогла, как смогла, — ответила Огдо, — а ты спи давай... И мне надо спать, я устала...

А потом был еще один случай.

Они с Огдо отправились в лес за ягодами и в малиннике встретили медведя.

Марианна услышала треск и шорох в кустах, подумала, что там какая-то женщина собирает ягоды, — и вдруг увидела прямо перед собой огромную косматую морду.

Девочка словно окаменела. Она не могла ни убежать, ни вскрикнуть, даже дышать стало трудно.

И тут рядом с ней возникла Огдо.

Она строго уставилась на медведя и произнесла несколько слов на своем непонятном языке.

И медведь, огромный, могучий и страшный зверь, попятился, высоко поднял лапы, словно защищаясь или прося прощения, развернулся и бросился наутек.

Чуть позже, когда Марианна отдышалась и успокоилась, она спросила у Огдо, что та сказала медведю.

— Я сказала ему, чтобы ушел, не пугал мою девочку, а не то я его накажу.

— Ты шутишь, Огдо?

— Мало-мало шучу! Но ты не бойся, больше он не придет! Пока я с тобой, тебя никто не тронет!

Марианна проснулась рано, как обычно. Голова была легкой, ничего не болело. Она полежала немного, размышляя, к чему привиделся такой сон. Ведь Огдо давно умерла, она и тогда была немолодой.

Они жили не в городе, а в маленьком поселке при шахте, где отец был управляющим. Потом он стал ее собственником, потом перекупил соседний рудник, потом другой... Марианна была слишком мала тогда и не знала подробностей. Только с каждым годом понимала, что отец становится все богаче.

Потом они переехали в Петербург, отец продал кое-что в Сибири и купил тут производство. Опять-таки, Марианна тогда не вникала в подробности.

Она закончила школу, училась дальше, причем выбрала искусствоведческий факультет. Отец тогда только хмыкнул: профессия совершенно бесполезная, но раз нравится учиться — ради бога. Он, отец, дочь свою единственную вполне способен содержать, а в его бизнесе редко какая женщина соображает.

— Найдешь себе со временем мужа толкового, ему и передам дело, — сказал отец, на что Марианна только отмахнулась — да что ты, ты еще не старый совсем, сам будешь руководить.

Она закончила учебу, потом уехала на год стажироваться во Францию. Перед отъездом отец хотел с ней поговорить, но передумал: вот вернешься, тогда...

Он не успел. За пару недель до ее возвращения отец скоропостижно умер от инфаркта. Когда Марианна прилетела, совершенно одуревшая от горя, на нее обрушилось все.

Оказалось, что дела у отца за последний год пошли из рук вон плохо. Все сложилось одно к одному: его подвели партнеры, конкуренты перехватили пару крупных заказов, на которые он серьезно

рассчитывал, вдобавок к этому на него наехала налоговая.

Отец бился как мог, стараясь спасти бизнес, очевидно, сердце его не выдержало такого напряжения.

Однако, хоть Марианна и плохо соображала тогда, все же что-то запомнила, а именно: разговор со следователем.

Дело в том, что отец умер ночью, нашла его приходящая прислуга. Отец жил в большой квартире на Крестовском острове, на ночь оставался там один, он не любил посторонних людей в доме. Исключение составлял лишь его водитель и порученец Артем, у него были ключи от квартиры и комнатка в конце коридора, где изредка мог он ночевать.

Экономка Любовь Адриановна не успела позвонить в дверь, как обнаружила, что она открыта. Ругнув Артема, который вечно распахнет все двери и уйдет к себе, она вошла и громко хлопнула дверью. Когда никто не вышел на стук, она подумала, что Артем готовит машину и ожидает хозяина внизу, и пошла на кухню.

И только через некоторое время удивилась стоявшей в квартире необычной тишине и нашла хозяина в кабинете лежащим на полу. Тело уже остыло.

Сейф был открыт и пуст, так что приехавшая полиция тут же заподозрила ограбление, хоть врачи однозначно определили, что отец умер от инфаркта. Неожиданный стресс, когда застал грабителей, вот сердце и не выдержало.

Насчет грабителей тоже все было ясно.

В доме на Крестовском жили обеспеченные люди, так что с охраной все было в порядке. И камеры показали, что, кроме водителя Артема и отца, в квартире никого не было. Артем ушел поздно вечером, что охрану не насторожило, он часто ночевал в другом месте. Смерть отца произошла позже на час или два.

Водителя объявили в розыск, но к тому времени, когда Марианна беседовала со следователем, уже нашли.

Нашли его мертвое тело в овраге за городом. При нем не обнаружили ничего ценного, и следователь хотел узнать, что же было в сейфе у отца, какие ценности.

Марианна ответила, что в сейфе были документы, а какие — она не знает. А ценности отец хранил в банке, но про это хватило у нее ума не упоминать следователю. Тогда вертелся рядом с ней адвокат, который Марианне не понравился сразу — уж слишком интимно поддерживал ее под руку и слишком трепетно гладил по плечу. Он отвез Марианну в банк, там сказали, что нужно собрать какие-то бумаги, чтобы ей выдали содержимое ячейки.

Тут навалились другие дела, прежде всего похороны, и Марианна отложила банк на потом. А после оказалось, что дела у отца в очень плохом состоянии, и фирму у нее отобрали за долги, и квартиру на Крестовском пришлось продать, в общем, от наследства осталось не то чтобы ничего, но очень мало.

Как раз прошло полгода, и после всех мытарств Марианна наконец вспомнила про банковскую

ячейку, где отец хранил драгоценности. Там было немного: пара не очень дорогих колечек, еще маминых, эти хранились как память, бриллиантовый браслет, который в комплекте с такими же сережками отец подарил Марианне на двадцатилетие. Серьги она не снимала, а у браслета ослабел замочек, и она оставила его дома перед поездкой во Францию.

И самое главное: там хранились те серьги. Те самые, старинные, очень дорогие, семейная реликвия, которую отец велел беречь Марианне как зеницу ока.

Так вот как раз самого ценного в банковском сейфе не было. И в ответ на ее осторожные вопросы банковский служащий сказал, что да, отец заходил в банк накануне того печального дня, когда он умер, а что уж он делал с ячейкой, он не знает.

И Марианна поняла, что отец забрал оттуда серьги.

Зачем? Очевидно, хотел оставить кому-то в качестве залога, чтобы спасти фирму. Марианна плохо разбиралась в деловых и финансовых вопросах, но подумала, что раз уж отец решился на такие крайние меры, то дело и правда было плохо.

Так оно и оказалось впоследствии. Но тогда отец на что-то надеялся, оттого и перенес серьги из банковской ячейки в квартиру. Тут-то его и ограбили. Артем, человек, который работал у него несколько лет и которому отец безоговорочно доверял.

Все это Марианна собиралась рассказать следователю, когда ее вызвали в очередной раз повесткой, но передумала, потому что следователь